ТЕБЯ СЛЫШНО

Ник Нил

Ник Нил

Тебя слышно

«Автор»
2026

Нил Н.

Тебя слышно / Н. Нил — «Автор», 2026

Вера Соколова — журналист и ведущая подкаста «Голоса» — знает, каково это: молчать, потому что кажется, что твоя правда никому не нужна.В своей документальной книге она собрала реальные истории подростков и молодых людей, которые нашли в себе силы заговорить.Таня, которая боялась поднимать руку. Ксения, ушедшая от токсичных отношений. Николай Петрович, научившийся слушать тишину.И сама Вера, которая когда-то рисовала облачка с молнией на полях, а теперь помогает другим быть услышанными.Это книга о том, что иногда самый важный разговор — это тот, где тебя просто слушают.Для всех, кто чувствует себя одиноким, и для тех, кто хочет научиться слышать.

© Нил Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, который не подслушивал 6
Глава 2. Правила монтажа и другие способы не наврать 9
Глава 3. Книга, которую выбрал он 11
Глава 4. Эпизод, который мы не планировали 13
Глава 5. То, что остаётся за кадром 15
Глава 6. Голос, который можно узнать 17
Глава 7. Две недели, которые никто не считал 19
Глава 8. Правило четырех 21
Глава 9. Сцена 23
Глава 10. София 26
Глава 11. Сердечко 28
Глава 12. Тема, которую мы не выбирали 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Тебя слышно

Глава 1. Человек, который не подслушивал

В одиннадцатом классе я окончательно поняла: взрослая жизнь — это когда ты добровольно соглашаешься вести школьный подкаст, а потом каждое утро бежишь по коридору с папкой, из которой торчат провода, сценарии и остатки твоей самооценки.

В тот понедельник я опаздывала на семь минут. Для школы это почти преступление, для редактора подкаста «Перемена» — катастрофа. Мы должны были выпустить эпизод к пятнице, а наша ведущая Лиза слегла с ангиной и прислала голосовое длиной в три минуты, из которого я поняла только два слова: «Вера» и «спасай».

Я как раз переписывала на ходу заметки — «не говорить лишнего», «дышать», «не извиняться за каждое слово» — когда свернула за угол и врезалась в кого-то плечом.

Папка выскользнула из рук. Листы разлетелись по полу, как стая испуганных голубей. Я успела подумать: «Отлично. Теперь меня запомнят как девушку, которая устроила бумажный буран на глазах у всей параллели».

— Осторожно, — сказал голос сверху.

Я подняла голову. Передо мной стоял парень в тёмно-синей куртке. Незнакомый. В нашей школе новички появлялись редко, а если и появлялись, то обычно держались стайкой у кабинета директора и смотрели на всех, как на экспонаты.

Этот смотрел спокойно. Без насмешки.

— Ты цела? — спросил он.

— Я? Да. То есть нет. Я опаздываю. И у меня всё рассыпалось. И Лиза болеет. И подкаст. И… — Я замолчала, потому что поняла, что говорю с незнакомым человеком, как с психологом на приёме.

Парень присел и начал собирать листы. Один из них упал ближе к нему. Там крупными буквами было написано:

«НЕ ПЕРЕБИВАТЬ. НЕ СПАСАТЬ БЕЗ ПРОСЬБЫ. НЕ ДЕЛАТЬ ВЫВОДОВ ЗА ГЕРОЯ».

Он перевернул лист чистой стороной вверх и положил в стопку.

Не прочитал.

Может, это мелочь. Но я почему-то запомнила.

— Это не мои секреты, — зачем-то сказала я. — Это правила для интервью.

— Понял. — Он кивнул. — Я не подслушивал. Просто лист сам прилетел.

— Угу.

Он протянул мне папку. Наши пальцы не соприкоснулись — он подождал, пока я возьму. Ещё одна мелочь. Но в тот момент мне почему-то стало не так стыдно.

— Спасибо, — сказала я. — Ты новенький?— Егор. В 11 «Б». С сегодняшнего дня.

— Вера. 11 «А». И я опаздываю.

— Я тоже. Но, кажется, у нас есть законное оправдание: я шёл искать кабинет химии, а ты спасала школьную журналистику.

Я фыркнула. Впервые за утро.

Мы разошлись у лестницы. Я успела заметить, как он поправил рюкзак и пошёл дальше, не оборачиваясь. Никаких «теперь ты мне должна» или «я тебя выручил». Просто помог и пошёл.

На литературе нас объединили для проекта. Наш класс и 11 «Б» решили, что в этом году будут вместе делать итоговый модуль по литературе: «Герой и его выбор». Учительница, Ольга Петровна, сказала, что это поможет нам «научиться слышать друг друга».

Я в тот момент рисовала на полях блокнота маленькое облачко с молнией и думала о том, что слышать друг друга мы не умеем даже в чате редакции.

Егор вошёл и сел за последнюю парту у окна. Ольга Петровна представила его коротко: перевёлся, любит Толстого, просит не задавать слишком много личных вопросов. Последнее она, конечно, не говорила, но я почему-то решила, что это было бы честно.

На перемене ко мне подлетела Лиза — уже не с ангиной, а с телефоном и трагическим лицом.

— Вер, я не могу вести эпизод. У меня голос как у чайки. Нам нужен второй ведущий. Хотя бы на тест.

— Где я тебе возьму второго ведущего за два дня?

— В 11 «Б». Там новенький. Говорят, у него голос — заслушаешься.

— Ты его слышала?

— Нет. Но слухи же.

Я посмотрела в сторону кабинета литературы. Егор как раз стоял у окна и листал какую-то книгу. Не в телефоне. Редкость.

— Ладно, — сказала я. — Но если он откажется, я скажу Ольге Петровне, что это была твоя идея.

— Договорились.

Я подошла к нему после урока. Внутри всё сжалось. Я не боюсь говорить с людьми. Я боюсь, что им будет со мной скучно. Это разные вещи, но результат один.

— Привет ещё раз. Слушай, у нас есть подкаст. «Перемена». Мы записываем короткие эпизоды о школе и о том, как в ней выживать. Мне нужен второй голос для теста. Не навсегда. Просто попробовать. — Я выпалила это на одном дыхании и добавила: — Ты можешь отказаться.Егор закрыл книгу.

— А что нужно делать?

— Отвечать на вопросы. Говорить в микрофон. Не бояться. Ну, и не перебивать меня, потому что я иногда зависаю.

— Хорошо. Но сначала объясни правила.

— Какие правила?

— Что можно спрашивать? Что нельзя? Можно ли мне будет отказаться отвечать? И будет ли запись опубликована, если я передумаю?

Я моргнула.

Обычно люди спрашивают: «А что за это будет?» или «А это надолго?». А тут — правила. Границы. Отказ.

— Можно, — сказала я. — Если тебе не понравится вопрос, ты можешь не отвечать. Если передумаешь после записи, мы не опубликуем. Я не буду давить.

— Тогда попробую.

Мы сели в кабинете информатики, где стоял старый микрофон, который школа купила ещё до моего рождения. Я нажала запись.

— Это тест. Ничего не выкладываем. Просто проверяем звук. Расскажи, почему ты перевёлся?

— Можно я не буду отвечать на этот вопрос? — спокойно сказал он.

— Да, конечно. — Я даже обрадовалась. — Тогда расскажи, что тебе нравится в школе. Только не говори «ничего».

Он подумал.

— Мне нравится, когда в классе есть люди, которые не смеются, если ты чего-то не понял. Это редкость.

Я записала это в блокнот. Не потому, что это было гениально. Потому что это было честно.

После теста я выключила микрофон.

— У тебя хороший голос, — сказала я. — Не для «заслушаешься», но… спокойный. Как будто ты не пытаешься понравиться.— Это комплимент?

— Не знаю. Наверное.

Егор улыбнулся. Первый раз за день. Улыбка у него была короткая, будто он не был уверен, что она уместна.

Вечером он написал мне в «Телеграме». Я сама дала номер — для проекта, не подумайте лишнего.

«Послушал черновик. Ты там дважды извинилась, хотя не сделала ничего плохого. Если хочешь, могу завтра помочь с монтажом. Но только если тебе действительно нужна помощь, а не чтобы я просто был рядом».

Я перечитала сообщение три раза.

Потом улыбнулась и написала:«Помощь нужна. И да, я действительно хочу, чтобы ты был рядом. В смысле — в редакции. В смысле — с микрофоном».

Отправила. Посмотрела на экран. Застонала.

Он ответил:

«Понял. Завтра в 15:00. Я приду».

И почему-то от этого короткого «я приду» мне стало спокойнее, чем за весь день.

Глава 2. Правила монтажа и другие способы не наврать

Во вторник я пришла в школу за двадцать минут до первого урока. Не потому, что стала ответственной. Просто дома я всё равно не могла ни на чём сосредоточиться: перечитывала сообщение Егора, потом перечитывала свой ответ, потом представляла, как мы сидим в кабинете информатики и молчим, потому что нам не о чем говорить.

К счастью, говорить оказалось о чем.

— Ты серьёзно ставишь таймер на пятнадцать минут? — спросил Егор, когда я открыла дверь кабинета.

— Это не таймер. Это ограничение. Чтобы я не заставила тебя слушать мой голос два часа подряд.

— А если я захочу два часа?

Я замерла с ключом в руке.

— В смысле — если материал хороший, — уточнил он. — Не в смысле тебя.

— Ага. — Я решила не развивать тему. — Проходи. Микрофон справа. Чай на столе. Печенье в коробке, но оно, кажется, с прошлого года.

— Тогда я воздержусь.

Он сел за компьютер, включил наушники и надел один на левое ухо, второй оставил висеть — чтобы слышать меня. Мелочь. Но я опять запомнила.

Мы монтировали черновик. Егор оказался из тех людей, кто не говорит «давай я сделаю быстрее», а спрашивает: «Ты хочешь, чтобы я сделал это сам, или чтобы мы сделали вместе?». Я выбрала вместе. Он кивнул и пододвинулся, чтобы мне было видно экран.

— Вот здесь ты вздыхаешь, — сказал он, останавливая запись. — Не то чтобы плохо. Но если ты не хочешь, чтобы это осталось, я могу вырезать.

— Оставь, — сказала я. — Это честно. Я правда нервничала.

— Хорошо. Тогда я тоже оставлю свой вздох. Для симметрии.

Мы проработали почти час. В какой-то момент я поймала себя на том, что рассказываю ему про Лизу и про то, как мы в девятом классе делали подкаст про школьную столовую и взяли интервью у поварихи, которая потом уволилась. Егор слушал и не перебивал. Он вообще почти не перебивал. Только иногда уточнял: «Это было до или после того, как ты решила, что журналистика — твоё?».

— А ты почему перевёлся? — спросила я, и тут же осеклась. — Ой. Ты вчера не захотел отвечать. Не отвечай.

— Я не против ответить. Просто вчера это был первый день. Не хотел начинать с биографии.

— А сегодня?

— Сегодня второй. — Он пожал плечами. — Я перевёлся, потому что в старой школе мне было не очень. Не то чтобы травили. Просто… я не вписывался. А здесь пока не понял, вписываюсь или нет.

— Пока ты вписываешься в кабинет информатики, — сказала я. — Это уже что-то.

— Спасибо. Это лучший комплимент за неделю.

Я засмеялась. Он посмотрел на меня и улыбнулся — опять коротко, как будто проверял, уместно ли.

На литературе Ольга Петровна объявила пары для проекта. Она читала список по алфавиту, и когда дошла до «Вера Соколова — Егор Крылов», в классе кто-то тихо сказал: «О, новенький и главная по подкастам. Логично».

Я не обернулась. Егор тоже.

— Ваша задача, — сказала Ольга Петровна, — выбрать книгу, в которой герой стоит перед выбором. Не обязательно русскую классику. Можно современную. Главное — чтобы вы могли объяснить, почему этот выбор важен и что он говорит о герое. И о вас.

— Что говорит о нас? — переспросил Егор.

— Почему вы выбрали именно эту историю. Что в ней откликается. Это будет ваша исследовательская часть.

После урока мы остались в кабинете.— Есть идеи? — спросила я.

— Толстой? — предложил он.

— Слишком предсказуемо. Все возьмут Толстого.

— Тогда Достоевский.

— Егор, у нас проект по литературе, а не соревнование по страданию.

Он задумался.

— А что ты любишь?

Я замялась. Обычно на такой вопрос я отвечаю что-то безопасное: «Да разное». Но тут почему-то сказала правду:

— Мне нравятся книги, где герой не спасает мир. Где он просто выбирает не врать. Или не молчать. Что-то маленькое. Но важное.

Егор посмотрел на меня внимательно.

— Тогда давай возьмём что-нибудь такое. Я поищу. И ты поищи. Завтра обсудим.

— Договорились.

Он пошёл к двери, но остановился.

— Вера.

— Да?

— Ты вчера сказала, что не хочешь давить. Это было про интервью. Но я хотел сказать — это вообще хорошее правило. Для всего.

Я кивнула. Он вышел.Вечером в общем чате класса появилось сообщение от Лизы: «Ну что, как прошёл монтаж с новеньким? Он правда такой спокойный?». И три смайлика с огоньком.

Я хотела ответить что-то шутливое, но потом подумала: а зачем? Это не Лизино дело. И не потому, что я что-то скрываю. Просто когда я рассказываю про человека что-то, чего он сам не говорил, — это как читать чужой лист, который упал к тебе в руки. Даже если он не подслушивал, ты всё равно уже увидел.

Я написала: «Монтаж прошёл нормально. Завтра обсудим проект по литературе». И закрыла чат.

Через минуту пришло личное сообщение от Егора:

«Ты не против, если я предложу завтра одну книгу? Я понял, что ты сказала про маленький выбор. Кажется, я знаю подходящую».

Я ответила: «Не против. Но если это будет «Преступление и наказание», я за себя не ручаюсь».

Он прислал смеющийся смайлик. Первый раз.Я посмотрела на экран и подумала: кажется, я начинаю привыкать к тому, что кто-то отвечает быстро и без игры в «прочитано». Это, наверное, и есть грин-флаг. Или просто хорошее воспитание. Или и то и другое.

Глава 3. Книга, которую выбрал он

В среду Егор пришёл с книгой.

Не в рюкзаке — в руках. Он нёс её так, как люди носят что-то, что боятся помять: двумя руками, прижимая к груди. Я заметила это ещё из окна второго этажа и почему-то почувствовала, что сейчас будет важно.

— Это Фредрик Бакман, — сказал он, положив книгу на парту. — «Медвежий угол». Про хоккейный городок. Там много героев, но главный выбор делает один парень. Ему семнадцать. Он может промолчать — и всё останется как есть. Или может сказать правду — и тогда всё изменится.

Я взяла книгу. Обложка была потрёпанная — видно, читаная не раз.

— Ты её любишь?

— Не то слово. — Егор сел напротив. — Я её перечитывал три раза. Каждый раз нахожу что-то новое. Но если тебе не нравится хоккей, это не обязательно. Я не настаиваю.

— А почему именно она?

Он помолчал. Не так, как люди молчат, когда не знают, что сказать. А так, как молчат, когда выбирают слова.

— Потому что там про то, что правда не всегда делает тебя героем. Иногда она делает тебя предателем в глазах тех, кто тебя любит. Но всё равно надо выбирать. И этот парень выбирает не потому, что он смелый. А потому, что не может иначе.

Я открыла первую страницу. Прочитала первый абзац. Потом второй.

— Ладно, — сказала я. — Берём.

— Ты даже не дочитала.

— Я дочитаю. Но мне уже нравится, как ты про неё говоришь. Значит, в книге что-то есть.

Егор улыбнулся. Опять коротко.

Ольга Петровна одобрила выбор без вопросов. Сказала только: «Хорошо, что не классика. Иногда современные книги говорят о выборе громче, чем учебники».

После уроков мы сели в библиотеке — там было тише, чем в кабинете информатики, и никто не заглядывал каждые пять минут с вопросом «а вы что делаете?».

— Давай сразу договоримся, — сказала я, достав блокнот. — Как мы будем работать. Чтобы не было сюрпризов.

— Хорошо.

— Первое: если кто-то из нас не согласен, он говорит сразу, а не копит. Второе: если нужно больше времени, мы просим, а не молчим. Третье: если кто-то устал или не хочет сегодня работать — он говорит, и мы переносим. Без обид.

Егор кивнул.

— Четвёртое, — сказал он. — Если один из нас делает что-то, что другому не нравится, он говорит об этом прямо. Не в шутку, не намёками. Прямо.

— Согласна.

— И пятое. — Он посмотрел на меня. — Мы не обсуждаем нашу работу с другими, пока не решим, что готовы. Это не секрет. Просто это наше.

Я записала это в блокнот. Потом подчеркнула.

— Договорились.

Мы начали разбирать книгу. Егор говорил о главном герое так, будто знал его лично. Я слушала и делала пометки. В какой-то момент я поймала себя на том, что не пишу, а просто смотрю на него.

— Что? — спросил он, не поднимая глаз от книги.

— Ничего. Просто ты странно говоришь.

— Странно?

— Ты не пытаешься звучать умно. Ты просто говоришь. Это редкость.

— Спасибо. Наверное.

Мы просидели до шести. Библиотекарша дважды напоминала, что мы закрываемся, и на второй раз мы всё-таки собрались.

— Слушай, — сказала я, когда мы вышли на крыльцо. — Ты в пятницу свободен? Мы хотим записать пробный эпизод про книгу. Для подкаста. Не для проекта — просто чтобы попробовать. Ты можешь быть вторым голосом. Если хочешь.

— Хочу, — сказал он. — Но у меня есть условие.

— Какое?

— Ты не будешь извиняться за то, что пригласила меня. И за то, что я согласился. Это нормально — приглашать людей. И нормально — соглашаться.

Я засмеялась.

— Хорошо. Не буду.

— И ещё одно.

— Да?

— Ты вчера написала, что хочешь, чтобы я был рядом. В редакции. Это было честно. Мне понравилось. Не то чтобы я ждал, что ты будешь писать такое каждый день. Но если ты чувствуешь что-то и хочешь сказать — говори. Я не буду делать вид, что не понял.

Я почувствовала, как щёки становятся тёплыми. Не от смущения. От чего-то другого. От того, что кто-то сказал мне: «Ты можешь быть собой, и я не буду делать вид, что это странно».

— Хорошо, — сказала я. — Тогда я говорю: мне нравится с тобой работать. И мне нравится, что ты не заставляешь меня гадать, что ты думаешь.

— Взаимно.

Мы попрощались. Он пошёл направо, я налево. Но перед тем как свернуть за угол, он обернулся.

— Вера.

— Да?

— Ты сегодня ни разу не извинилась. За весь день. Я проверял.

Я стояла на месте, пока он не скрылся из виду. Потом достала телефон и написала Лизе: «Кажется, у нас будет второй ведущий. Постоянный. Если он согласится».

Лиза ответила через секунду: «Если? Да он на тебя смотрит так, будто ты — единственный человек в школе, который говорит нормально».

Я не стала отвечать. Не потому, что было нечего сказать. Просто это опять было что-то, чего Егор не говорил вслух. А значит, это было не моё — рассказывать.

Глава 4. Эпизод, который мы не планировали

В пятницу я пришла в школу с твёрдым намерением не нервничать.

План был простой: записать пятнадцатиминутный эпизод про «Медвежий угол», без монтажных фокусов, без гостей, только мы вдвоём и микрофон. Я даже написала себе на стикере: «Ты не обязана быть идеальной. Ты обязана быть честной».

Стикер я приклеила на папку. Папку забыла дома.

— Дыши, — сказал Егор, когда я влетела в кабинет информатики с телефоном в руке и лицом человека, который только что вспомнил, что забыл самое важное. — У нас есть микрофон. Есть ты. Есть я. Всё остальное — детали.

— А сценарий?

— Ты его знаешь. Ты мне вчера три раза пересказала.

— Я пересказывала не сценарий. Я пересказывала, как я боюсь, что всё пойдёт не так.

— Значит, сценарий ты знаешь ещё лучше.

Я села. Выдохнула. Включила запись.

— Это «Перемена». Эпизод пробный. Сегодня мы говорим о книге Фредрика Бакмана «Медвежий угол». Со мной — Егор. Егор, привет.

— Привет.

— Расскажи, почему мы выбрали эту книгу.

Он помолчал секунду. Потом сказал:

— Потому что она про выбор, который никому не нравится. Главный герой, Беньи, может промолчать — и остаться своим. Или сказать правду — и потерять всё. И он выбирает правду. Не потому, что он герой. А потому, что не может иначе.

Я слушала и понимала, что мне не нужно ничего добавлять. Он говорил ровно, без пафоса, и от этого его слова звучали сильнее.

— А ты бы так смог? — спросила я. Это был не вопрос из сценария. Я импровизировала.

Егор посмотрел на меня. Не в микрофон. В глаза.

— Не знаю. Надеюсь, что да. Но я не хочу проверять на чём-то таком. — Он сделал паузу. — А ты?

— Я боюсь, что промолчу. Потому что молчать — это безопасно. И потому что иногда кажется, что твоя правда никого не интересует.

— Интересует, — сказал он. — Просто не все умеют слушать.

Мы закончили запись. Я выключила микрофон и посмотрела на него.

— Ты только что сказал это в микрофон. Люди услышат.

— Я знаю. — Он пожал плечами. — Это же подкаст. Здесь можно говорить то, что думаешь.

— А если кто-то решит, что это про него?

— Тогда он спросит. А я отвечу. — Егор откинулся на стуле. — Вера, ты сейчас придумываешь проблему, которой ещё нет. Давай сначала смонтируем.

Я засмеялась. Он был прав.

Мы монтировали эпизод до половины седьмого. В какой-то момент в кабинет заглянула Лиза — «просто проверить, как вы тут» — и, увидев нас вдвоём над одним наушником, сказала: «О, я не вовремя», — и исчезла.

— Она что-то себе придумала, — сказала я.

— Наверное, — согласился Егор. — Но это её мысли. Не наши. Мы не обязаны их комментировать.

Я посмотрела на него.

— Ты всегда так спокойно к этому относишься?

— Нет. Я просто научился не тратить энергию на то, что не могу контролировать. Мнения других людей — из этой категории.

После монтажа мы вышли на улицу. Было уже темно. Школьный двор освещался фонарями, и в воздухе пахло первым снегом.

— Слушай, — сказала я. — Спасибо. За сегодня. За то, что не заставил меня чувствовать себя странной из-за того, что я забыла папку.

— Ты не странная. Ты просто волнуешься. Это нормально. — Он помолчал. — Я тоже волновался. Просто не показывал.

— Почему?

— Потому что если бы я тоже начал нервничать, мы бы оба сидели и смотрели на микрофон, как на бомбу. Кто-то должен был остаться спокойным.

Я остановилась.

— Егор.

— Да?

— Ты сейчас сказал, что подавил свои эмоции, чтобы мне было легче. Это мило. Но ты не обязан.

Он тоже остановился. Посмотрел на меня.

— Я знаю. Но это было моё решение. Не жертва. Я хотел, чтобы запись получилась. И чтобы тебе было спокойнее. Это не то же самое, что «я терплю и молчу».

— Хорошо. — Я кивнула. — Тогда в следующий раз, если ты волнуешься, скажи мне. Я не развалюсь. Мы можем волноваться вместе.

— Договорились.

Мы пошли дальше. У метро он сказал:

— Я послушал черновик, пока ты отходила за чаем. Там есть момент, где ты говоришь: «Я боюсь, что моя правда никого не интересует». Это очень сильное место. Я бы оставил.

— Думаешь?

— Уверен. Это честно. Люди такое слушают.

Я улыбнулась.

— Ладно. Оставляем.

Дома я получила сообщение от Лизы: «Ну что, вы закончили? Или вы там не только подкастом занимались?».

Я посмотрела на экран. Потом на свою руку, которая всё ещё держала телефон. Потом написала: «Мы записали эпизод. Он получился хороший. Остальное — не твоё дело, без обид».

Отправила. И впервые за долгое время не почувствовала, что должна извиниться за то, что обозначила границу.

Лиза ответила: «Ок. Без обид. Просто спросила».

Я поставила лайк на сообщение и закрыла чат.

Глава 5. То, что остаётся за кадром

Эпизод вышел в понедельник.

Мы выложили его утром, до первого урока, и к большой перемене его послушали сорок три человека. Для нашего подкаста это было почти землетрясение: обычно у нас было человек десять, и половина — Лизины родственники.

К обеду в школьном чате появились первые реакции. Кто-то написал: «Наконец-то нормальный выпуск, а то всё про столовую». Кто-то — «Егор, у тебя голос как у диктора». Кто-то — «Вера, ты там такая серьёзная, я тебя не узнал».

А потом пришло сообщение от Тани из 11 «В». Оно было не в общий чат. Личное.

«Привет. Послушала ваш подкаст. Ты там говоришь, что боишься, что твоя правда никого не интересует. Это очень сильная фраза. Просто хотела сказать, что меня она зацепила. Я тоже так иногда думаю. Спасибо».

Я перечитала сообщение три раза. Потом показала Егору.

— Вот, — сказала я. — Вот ради этого всё.

Он прочитал. Кивнул.

— Ты ответишь?

— Конечно. Только не знаю что.

— Напиши, что рада, что её зацепило. И что если она хочет, можешь поговорить. Без давления. Просто предложи.Я написала. Таня ответила смайликом и «спасибо». Больше мы не переписывались, но что-то в этом было важное. Как будто я сделала маленький шаг наружу, и меня не оттолкнули.

На литературе Ольга Петровна попросила нас с Егором остаться после урока.

— Я послушала ваш подкаст, — сказала она, сложив руки на столе. — Это было сильно. Особенно та часть, где вы говорили про выбор. У меня к вам предложение.

Мы переглянулись.

— В декабре будет городской конкурс школьных медиапроектов. Я могу вас заявить. От школы. Если вы согласны.

Я почувствовала, как внутри что-то подпрыгнуло. Потом упало. Потом подпрыгнуло снова.

— А что нужно сделать? — спросил Егор.

— Записать эпизод на тему «Герой нашего времени». Можно про книгу, можно про реального человека. Главное — чтобы это было честно. У вас получается честно.Мы вышли из кабинета в коридор, и я остановилась.

— Егор. Это же городской конкурс. Там будут другие школы. Кто-то из них делает подкасты с настоящей студией. А у нас микрофон, которому больше лет, чем нам.

— И что?

— И то, что мы можем опозориться.

— Можем, — согласился он. — А можем не опозориться. Мы не узнаем, пока не попробуем. — Он помолчал. — Ты хочешь участвовать?

— Хочу. Но боюсь.

— Это не взаимоисключающие вещи.

Я засмеялась. Он был прав. Опять.

— Ладно. Давай попробуем. Но если мы провалимся, я буду говорить «я же предупреждала».

— Договорились. А я буду говорить «зато мы попробовали».

Мы начали готовиться. Тема была сложная: «Герой нашего времени». Мы решили не брать книгу. Мы решили взять человека.

— Кто это будет? — спросила я, когда мы сели в библиотеке.

— Я думал про твою историю с Таней, — сказал Егор. — Она написала тебе, что твоя фраза её зацепила. Это же и есть герой нашего времени. Не тот, кто спасает мир. А тот, кто находит в себе силы сказать «спасибо» или «мне тоже так кажется». Маленький выбор. Но настоящий.Я посмотрела на него.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Но мы не можем рассказывать про Таню без её разрешения.

— Правильно. Поэтому мы спросим. Если она согласится — сделаем эпизод про то, как важно быть услышанным. Без имён, если она захочет. С её историей, но анонимно. Или с её голосом, если она захочет говорить сама.

Я записала это в блокнот. Потом подчеркнула.

— Ты знаешь, что ты сейчас сделал?

— Что?

— Ты предложил историю, которая может быть неудобной. Но ты сразу подумал о том, как сделать её безопасной для человека. Это… — Я поискала слово. — Это очень по-взрослому.

— Мне семнадцать, — сказал он. — Я не взрослый.

— Я не про возраст.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Спасибо.

В среду мы написали Тане. Объяснили идею. Сказали, что если она не хочет — мы поймём и не будем настаивать. Что это может быть анонимно. Что она может передумать на любом этапе.

Она ответила через час: «Я подумаю. Можно я скажу завтра?».

— Можно, — написали мы хором. То есть я написала, а Егор сказал «можно» вслух, но это считается.

На следующий день Таня подошла к нам после уроков. Она была не одна — с ней была её подруга, которая держала её за руку.

— Я согласна, — сказала Таня. — Но без имени. И я хочу, чтобы вы показали мне финальную версию до публикации. Чтобы я могла сказать, если что-то не так.

— Конечно, — сказала я. — Это твоя история. Мы только помогаем ей звучать.

Таня кивнула. Подруга улыбнулась.

— Спасибо, — сказала Таня. — За то, что спросили.

Когда они ушли, Егор сказал:

— Вот. Вот про это мы и сделаем эпизод.

Я посмотрела на него и поняла, что в этот момент я не боюсь конкурса. Совсем.

Глава 6. Голос, который можно узнать

Запись с Таней мы назначили на субботу.

Не в школе — в маленькой кофейне недалеко от моего дома. Там был тихий уголок с диваном, и хозяйка, женщина лет пятидесяти по имени Марго, разрешила нам посидеть с микрофоном, если мы закажем по какао. Егор сказал, что это самый честный договор, который он слышал за последнее время.

Таня пришла с той же подругой. Её звали Даша, и она сразу сказала:

— Я не буду говорить. Я просто рядом. Можно?

— Можно, — сказала я. — Как тебе удобнее.

Таня села напротив микрофона. Руки у неё дрожали. Она положила их на стол, потом убрала под стол, потом снова положила.

— Я не знаю, с чего начать, — сказала она.

— С чего хочешь, — сказал Егор. — Мы не будем тебя перебивать. Если захочешь остановиться — просто скажи «стоп». Мы выключим.

— А если я запнусь?

— Запнёшься — и ладно, — сказала я. — Это же не экзамен. Это разговор.

Таня выдохнула. Посмотрела на Дашу. Даша кивнула.

— Ладно, — сказала Таня. — Включайте.

Я нажала запись.

Таня говорила медленно. Иногда замолкала. Один раз чуть не заплакала, но справилась — Даша протянула ей салфетку, и Таня сказала: «Спасибо, я в порядке».

Она рассказала, как в девятом классе перестала поднимать руку на уроках. Как ей казалось, что её ответы никому не интересны. Как она сидела на последней парте и рисовала в тетради маленькие облачка с молнией — точно такие же, как я когда-то. Как однажды учительница спросила: «Таня, ты вообще здесь?» — и весь класс засмеялся. Не зло. Просто засмеялся. А она больше не подняла руку.

— Я не хочу, чтобы это звучало как жалоба, — сказала она. — Я просто… Я не знала, что можно по-другому. А потом послушала ваш подкаст, и там была фраза: «Моя правда никого не интересует». И я подумала: это же я. Это же про меня. И я написала. И вы ответили.

Она помолчала.

— И вот я здесь. Говорю в микрофон. Это странно. Но приятно.

Я посмотрела на Егора. Он смотрел на Таню и слушал так, как будто в мире не было ничего важнее.

После записи Таня сказала:

— Всё? Я справилась?

— Ты справилась, — сказала я. — Ты молодец.

— Я не хочу слушать запись, — сказала она. — Можно я не буду?

— Конечно. Мы пришлём тебе финальную версию. Ты послушаешь, когда будешь готова. И скажешь, всё ли в порядке.

— Хорошо. — Таня встала. Потом посмотрела на нас с Егором. — Спасибо. За то, что не сделали из меня «историю». За то, что спросили, как я хочу.

Когда они с Дашей ушли, мы с Егором остались сидеть в кофейне. Марго принесла нам ещё по какао, хотя мы не просили.

— Это за счёт заведения, — сказала она. — Я слышала краем уха. Вы делаете хорошее дело.

Мы сидели молча. Потом Егор сказал:

— Я не ожидал, что будет так тяжело слушать.

— Тяжело?

— Не в плохом смысле. Просто… она говорила, а я думал: сколько людей вокруг нас молчат, потому что их один раз не услышали. И никто не заметил. — Он посмотрел на меня. — Ты когда-нибудь молчала так?

Я задумалась. Честно задумалась.

— Да. В восьмом классе. У нас была учительница по геометрии, которая говорила: «Соколова, ну кто так отвечает? Садись, два». И я перестала отвечать. Просто перестала. Рисовала облачка в тетради.

— И что изменилось?

— В девятом пришла другая учительница. Она спросила: «Вера, ты почему молчишь? Ты же знаешь». И я сказала: «А какая разница? Всё равно два». А она сказала: «Разница есть. Мне интересно, как ты думаешь». И я ответила. И это было правильно.

Егор кивнул.

— Вот про это мы и сделаем эпизод.

Мы монтировали запись в воскресенье, у меня дома. Мама заглянула в комнату, увидела нас с наушниками и спросила: «Это тот мальчик, про которого ты говорила?». Я сказала: «Мама, выйди, пожалуйста». Она улыбнулась и вышла.

Егор сделал вид, что ничего не слышал. Но я видела, что он улыбается.

— Ты про меня говорила? — спросил он, когда мама закрыла дверь.

— Я говорила про подкаст. И про то, что у нас наконец-то есть второй ведущий. Который не забывает папки.

— А, ну это другое дело.

Мы смонтировали эпизод за два часа. Получилось шестнадцать минут. Мы назвали его «Голос, который можно узнать». Про то, как важно, чтобы тебя услышали. Про Таню, которая сначала молчала, а потом заговорила.

Перед публикацией мы отправили запись Тане. Она ответила через день: «Я послушала. Всё хорошо. Я даже не думала, что мой голос может звучать так… уверенно. Спасибо. Публикуйте».

Эпизод вышел в среду. К вечеру его послушали сто двадцать человек. Для нас это было как выиграть Оскар.

А в четверг Ольга Петровна сказала, что наш эпизод отправлен на городской конкурс. И что результаты будут через две недели.

— Я не буду говорить «я же предупреждала», — сказала я Егору после уроков. — Потому что мы не провалились.

— Мы даже не опозорились, — согласился он. — Пока.

— Ты не мог просто сказать «молодец»?

— Молодец. — Он улыбнулся. — Ты молодец. Мы молодцы. И Таня молодец. Особенно Таня.

Я кивнула. И почему-то подумала: если бы мне год назад сказали, что я буду стоять в школьном коридоре с мальчиком, который не подслушивает чужие листы, и обсуждать, как мы не опозорились на городском конкурсе, — я бы не поверила.

Но это было именно так.

Глава 7. Две недели, которые никто не считал

Ожидание конкурса оказалось хуже самого конкурса.

Первые три дня я проверяла почту каждые полчаса. На четвёртый Егор сказал:

— Вера, если ты будешь обновлять страницу так часто, сервер тебя заблокирует. И это будет обидно.

— Я не обновляю. Я просто смотрю.

— Ты смотришь на пустой экран с таким лицом, будто он тебе что-то должен.

Я засмеялась и отложила телефон. Получилось не сразу.

Мы продолжали работать. Следующий эпизод решили сделать про школу — но не про уроки, а про перемены. Про те пять минут между уроками, когда можно быть собой, а не «учеником 11 «А». Егор предложил взять интервью у людей из параллели: что они делают на переменах, о чём думают, когда звенит звонок.

— Только не спрашивай «как дела», — сказала я. — Все отвечают «нормально».

— А что спрашивать?

— Что-то, на что нельзя ответить одним словом. Например: «Что ты делаешь, когда никто не смотрит?».

Егор посмотрел на меня.

— Хороший вопрос.

— Спасибо. Я его сама придумала.

— А ты сама на него ответишь?

Я замялась. Потом сказала:

— Я рисую облачка с молнией на полях. И иногда пишу в блокнот фразы, которые не решаюсь сказать вслух.

— Например?

— Например, «мне нравится, когда ты слушаешь». Но это я уже сказала. Так что теперь это не секрет.

Он улыбнулся.

В пятницу мы записали первый блок интервью. Подошли к пяти людям. Двое отказались — мы не настаивали. Трое согласились. Одна девочка из 11 «В» сказала: «Я на переменах читаю в туалете, потому что там никто не спрашивает, почему я одна». Мы потом долго думали, как это монтировать, чтобы не звучало как вторжение. В итоге спросили у неё разрешение и оставили, но без имени.

— Это не про то, что она одинокая, — сказал Егор. — Это про то, что каждому нужно место, где можно выдохнуть.

Я записала это в блокнот. Подчеркнула дважды.

А в понедельник случилось то, чего я не ожидала.

Я стояла у кабинета литературы, ждала Егора. Он опаздывал — первый раз за всё время. Я уже начала придумывать варианты: забыл телефон, застрял у врача, проспал. В голову лезло всякое, но я старалась не паниковать.

Он пришёл за минуту до звонка. Молчаливый. Не поздоровался.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Да. Просто не выспался.

Мы сели. Он открыл тетрадь, но не писал. Смотрел в окно.

На перемене я подошла к нему.

— Егор. Ты сказал «не выспался», но я вижу, что дело не только в этом. Ты не обязан рассказывать. Но если хочешь — я здесь.

Он помолчал. Потом сказал:

— Вчера приезжал отец. Он живёт в другом городе. Приезжает раз в месяц. Обычно всё нормально. Но вчера мы поспорили.

— Из-за чего?

— Из-за школы. Он считает, что я слишком много времени трачу на подкаст. Говорит: «Лучше бы на физику больше занимался». Я сказал, что мне это важно. Он сказал: «Важно — это когда за это платят». И мы поругались.

Я слушала. Не перебивала.

— Я не хочу, чтобы ты думала, что я жалуюсь, — добавил он. — Просто объясняю, почему я сегодня такой.

— Ты не жалуешься. Ты рассказываешь. Это разное.

— Ты поэтому вчера написала, что можно волноваться вместе?

— Поэтому. И потому, что ты мне не безразличен. В смысле — как человек. Как друг. Как второй ведущий с хорошим голосом.

Он улыбнулся. Слабо, но по-настоящему.

— Спасибо. Мне нужно было это услышать.

— Что именно?

— Что я не жалуюсь. Что это нормально — рассказывать.

Мы пошли на следующий урок. По дороге он сказал:

— Я не буду ничего менять. Я хочу заниматься подкастом. И литературой. И если отцу это не нравится — это его право. Но моя жизнь — это моя жизнь.

— Это очень взрослая мысль.

— Мне семнадцать. Я не взрослый. Ты сама говорила.

— Я говорила про другое. Ты можешь быть не взрослым и при этом думать взрослые вещи.Он засмеялся.

Во вторник мы записали второй блок интервью. В среду смонтировали. В четверг Ольга Петровна вызвала нас в кабинет и сказала:

— Я получила письмо из оргкомитета конкурса. Ваш эпизод прошёл в финал. В финале двенадцать школ. Выступление через две недели. Нужно будет представить проект живьём. На сцене. С презентацией.

Я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги. Не от страха. От чего-то другого.

— На сцене? — переспросил Егор.

— На сцене. В актовом зале городского дворца творчества. Будет жюри. Будет публика. Будет много людей.

Я посмотрела на Егора. Он посмотрел на меня.

— Мы справимся, — сказал он.

— Ты уверен?

— Нет. Но мы справимся.

Ольга Петровна улыбнулась.

— Вот это правильный настрой. И ещё одно. Я посмотрела ваши эпизоды. Они хорошие. Но для финала нужно что-то большее. Что-то, что запомнится. Не просто разговор. Что-то, что люди почувствуют.

Мы вышли из кабинета.

— Что-то, что люди почувствуют, — повторила я. — Это же не задание. Это вызов.

— Значит, примем вызов, — сказал Егор. — У нас две недели. Придумаем что-нибудь.Я кивнула. И почему-то в этот момент я не боялась. Совсем.

Глава 8. Правило четырех

Идея пришла в среду, на большой перемене, когда мы сидели на подоконнике у кабинета литературы и ели бутерброды.

— Нам нужно что-то, что люди почувствуют, — сказала я, жуя. — Но мы не можем прыгать с парашютом и не можем петь. Я проверяла.

— Ты проверяла?

— В интернете. На сцене дворца творчества нельзя прыгать с парашютом. Это написано в правилах.

Егор засмеялся.

— А петь?

— Можно, но не нужно. Я слышала, как ты поёшь в столовой. Не надо.

— Справедливо.

Мы помолчали. Потом он сказал:

— А что если мы сделаем не презентацию? Что если мы сделаем разговор?

— В смысле?

— Мы выйдем на сцену и просто поговорим. Как в подкасте. Только без микрофона — с залом. Про то, как важно быть услышанным. И попросим людей в зале вспомнить момент, когда их услышали. Или когда они кого-то услышали.

— Но это же будет не репетировано.— И что? Мы умеем говорить. Мы умеем слушать. Мы можем сделать так, чтобы зал почувствовал, что он не просто зритель, а участник.

Я задумалась. Идея была рискованная. Если зал не включится — мы просто будем стоять на сцене и смотреть, как люди отводят глаза.

— А если никто не ответит?

— Тогда мы ответим сами. Расскажем свои истории. У нас же есть.

Я кивнула. У нас были истории. У меня — про геометрию и облачка. У него — про отца и выбор. И про Таню. И про то, что иногда нужно просто сказать: «Я здесь. Я слушаю».

— Мне нравится, — сказала я. — Но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Мы не будем рассказывать чужие истории. Только свои. Таня разрешила про неё — но только в подкасте. На сцене — только мы. И если кто-то в зале захочет поделиться — он делится сам. Мы не тянем.

— Согласен. — Егор кивнул. — И ещё одно. Мы не репетируем до потери пульса. Мы просто решаем, с чего начнём, и дальше идём по разговору.

— То есть экспромт.

— То есть доверие. Себе и друг другу.

Мы начали готовиться. Каждый день после уроков садились в библиотеке и обсуждали: с чего начнём, какие вопросы зададим залу, как закончим. Мы записали три варианта начала и два варианта финала. Остальное оставили пустым — для зала.

В пятницу мы поругались. Первый раз за всё время.

Я хотела начать с себя. Рассказать про облачка и про то, как я перестала поднимать руку. Егор хотел начать с вопроса залу: «Когда вас последний раз слышали?».

— Если мы начнём с себя, — сказала я, — мы покажем, что мы тоже уязвимые. Что мы не просто ведущие. Что мы такие же, как они.

— А если мы начнём с вопроса, — сказал он, — мы сразу дадим им понять, что это про них. Что они — главные.

— Но они могут не ответить.

— Могут. Но если мы начнём с себя, они будут слушать нас. А если мы начнём с вопроса, они начнут думать. Это разное.

— Егор, мы не на лекции. Мы не можем заставить их думать.

— Мы и не заставляем. Мы приглашаем.

Мы замолчали. Я смотрела в окно. Он смотрел на книгу, которую держал в руках, но не читал.

— Мы сейчас спорим, — сказала я. — По правилу номер один, мы должны сказать друг другу, что не так.

— Хорошо. Мне кажется, ты боишься, что зал не ответит, и поэтому хочешь начать с себя. Чтобы если никто не включится, у нас был план Б.

— А мне кажется, ты хочешь начать с вопроса, потому что тебе легче говорить про других, чем про себя. Потому что про себя — это уязвимо.

Он помолчал. Потом сказал:

— Ты права.

— И ты прав.

Мы посмотрели друг на друга. И засмеялись.

— Ладно, — сказала я. — Давай сделаем и то и другое. Начнём с вопроса. А потом я расскажу про себя. Чтобы зал увидел, что мы тоже не просто спрашиваем. Что мы тоже отвечаем.

— Идёт. — Он протянул руку. — Мир?

— Мир. — Я пожала её. — Но если ты ещё раз скажешь «я же говорил», я тебя укушу.

— Я не говорю «я же говорил». Я говорю «я же предупреждал». Это другое.

— Егор.

— Молчу.

В понедельник мы встретились с Ольгой Петровной и рассказали ей план. Она слушала, не перебивая. Потом сказала:

— Это рискованно.— Мы знаем, — сказала я.

— Но это может сработать. — Она улыбнулась. — Я видела, как вы работаете. Вы умеете слушать. Это главное. Идите. И если что-то пойдёт не так — импровизируйте.

— А если мы завалим?

— Тогда вы завалите вместе. Это тоже опыт.

Мы вышли из кабинета.

— «Завалите вместе», — повторил Егор. — Утешительно.

— Зато честно.

До финала оставалось четыре дня. Мы решили не репетировать в выходные. Вместо этого пошли в кофейню к Марго и просидели там два часа, обсуждая не конкурс, а книги. Просто книги. Потому что нам нравилось обсуждать книги.

— Ты знаешь, — сказал Егор, когда мы пили какао, — я рад, что перевёлся.

— Да?

— Да. Здесь есть люди, которые не смеются, если ты чего-то не понял. И есть ты. Которая спрашивает, как я себя чувствую. И которая не извиняется за то, что хочет что-то сказать.

— Я всё ещё иногда извиняюсь.

— Иногда — можно. Главное, что не за всё подряд.

Я улыбнулась. И подумала: если это не грин-флаг, то я не знаю, что такое грин-флаг.

Глава 9. Сцена

В день финала я проснулась в шесть утра.

Не потому, что будильник. Просто глаза открылись сами, и я лежала, глядя в потолок, и думала: сегодня. Сегодня мы выйдем на сцену перед людьми, которых не знаем, и попросим их быть честными. А если они не захотят — мы будем стоять там и улыбаться, как будто так и надо.

Мама заглянула в комнату в семь.

— Ты уже встала? Ты же не в школу.

— Конкурс. Помнишь?

— А, точно. — Она села на край кровати. — Волнуешься?

— Немного.

— Вера. Ты никогда не умела врать. У тебя лицо.

Я засмеялась. Мама умела сказать правду так, чтобы было не обидно.

— Волнуюсь сильно.

— Это нормально. Если бы ты не волновалась, я бы подумала, что ты заболела. — Она погладила меня по руке. — Ты справишься. Ты и Егор. Вы хорошая команда.

— Ты его один раз видела.

— Достаточно. Он не суетится. Это редкость в семнадцать лет.

Я не стала спорить.

В девять мы встретились с Егором у входа во дворец творчества. Он пришёл с папкой — той самой, которую я когда-то забыла дома. Только теперь в ней лежали наши заметки, распечатанные и аккуратно сложенные.

— Ты принёс папку? — спросила я.

— Я принёс твою папку. Нашёл в кабинете информатики. Ты её там оставила на прошлой неделе.

— И ты молчал?

— Хотел сделать сюрприз. — Он протянул её мне. — Считай это талисманом.

Я взяла папку. На обложке был приклеен мой стикер — тот самый: «Ты не обязана быть идеальной. Ты обязана быть честной».

— Ты его сохранил.

— Конечно. Это хорошее правило.

В фойе было шумно. Двенадцать школ, у каждой — свой стол, свои плакаты, свои волонтёры. Кто-то привёз настоящую стойку с микрофонами. Кто-то — проектор с экраном. Мы выглядели скромно: папка, ноутбук и уверенность, что нам хватит того, что есть.

Ольга Петровна подошла к нам за полчаса до начала.

— Вы готовы?

— Насколько это возможно, — сказала я.

— Хорошо. Не пытайтесь быть лучше всех. Просто будьте собой. Это ваше главное преимущество.

Она ушла. Егор посмотрел на меня.

— Если я начну запинаться, ты меня не спасай. Просто задай следующий вопрос. Я выкручусь.

— А если я зависну?

— Я скажу: «Вера, ты хотела сказать вот что». И ты скажешь.

— А если я не хотела?

— Тогда скажешь, что не хотела. И мы пойдём дальше. — Он пожал плечами. — Мы же договорились: честность важнее гладкости.

Я кивнула.

Нас объявили четвёртыми. Мы сидели в зале и смотрели, как выступают другие. Одна школа сделала видео про буллинг. Другая — театральную сценку про первую любовь. Третья — презентацию с графиками и диаграммами, и я подумала, что мы точно не выиграем, потому что у нас не было ни графиков, ни диаграмм.

— Не сравнивай, — тихо сказал Егор. — У них своё. У нас своё.

Когда объявили нас, я почувствовала, как сердце ушло куда-то в пятки. Мы вышли на сцену. Зал был полный. Жюри сидело в первом ряду. Где-то в глубине я увидела маму — она пришла, хотя я не просила.

Егор взял микрофон.

— Здравствуйте. Мы Вера и Егор. Мы делаем подкаст «Перемена» о том, как выживать в школе. Сегодня мы хотим поговорить о том, как важно быть услышанным. — Он помолчал. — У нас нет презентации. У нас есть только вопрос. Когда вас последний раз слышали?

В зале стало тихо. Не напряжённо-тихо, а по-другому. Как будто люди остановились и задумались.

Я взяла свой микрофон.

— Я отвечу первой. — Я сделала вдох. — Меня перестали слышать в восьмом классе. У нас была учительница по геометрии, которая говорила: «Соколова, ну кто так отвечает? Садись, два». И я перестала поднимать руку. Просто перестала. Я рисовала облачка с молнией на полях и думала, что моя правда никого не интересует. А потом пришла другая учительница и спросила: «Вера, ты почему молчишь? Ты же знаешь». И я ответила. И это было правильно.

Я замолчала. Посмотрела в зал.

— А вас? Когда вас последний раз слышали?

Тишина. Потом в третьем ряду поднялась девушка. Лет шестнадцати, с короткой стрижкой и очень серьёзными глазами.

— Меня слышали вчера, — сказала она. — Я сказала маме, что не хочу поступать на экономиста. И она не стала спорить. Просто спросила: «А что ты хочешь?». И я сказала: «Хочу рисовать». И она сказала: «Хорошо».

Она села. В зале кто-то захлопал. Потом ещё кто-то. Потом ещё.

Егор посмотрел на меня. Я кивнула.

— Спасибо, — сказал он. — Кто-то ещё?

Поднялся парень в очках.

— Меня перестали слышать, когда я сказал, что мне нравится готовить. Друзья засмеялись. Сказали: «Ты же мужик». Я перестал говорить об этом. А потом в прошлом году приготовил на день рождения мамы торт. И она заплакала. И сказала: «Я так горжусь тобой». И я понял, что не надо молчать.

Зал снова захлопал.

Мы простояли на сцене ещё десять минут. Люди говорили. Кто-то смеялся, кто-то вытирал глаза. Мы не задавали больше вопросов. Мы просто слушали.

Когда мы закончили, жюри переглянулось. Председатель — женщина в строгом костюме — сказала:

— Спасибо. Это было не похоже на другие выступления. Это было честно.

Мы сошли со сцены. В коридоре я прислонилась к стене и выдохнула.

— Мы сделали это.

— Сделали, — сказал Егор. — Ты молодец. Ты не зависла ни разу.

— Ты тоже.

Мы стояли и улыбались друг другу, как два человека, которые только что вместе переплыли реку и не утонули.

Через час объявили результаты. Мы заняли второе место. Первое досталось школе, которая сделала видео про буллинг. Я не расстроилась. Честно. Потому что второе место на городском конкурсе — это больше, чем я когда-либо ожидала.

Ольга Петровна обняла нас обоих.

— Я горжусь вами, — сказала она. — Не за место. За то, как вы это сделали.

Мама подошла после. Она ничего не сказала. Просто обняла меня крепко-крепко.

А вечером мы с Егором сидели в кофейне у Марго, и я сказала:

— Знаешь, что я поняла?

— Что?

— Я не боюсь больше молчать. Потому что знаю: есть люди, которые слушают. Ты. Мама. Ольга Петровна. Таня. — Я посмотрела на него. — И это меняет всё.

Егор улыбнулся.

— А я понял, что не обязан быть один. Что можно рассказывать, когда тяжело. И что это не слабость.

— Это не слабость, — подтвердила я.— Я знаю. Теперь знаю.

Мы сидели и пили какао. За окном шёл снег. И в этот момент я подумала, что взрослая жизнь — это не когда ты перестаёшь бояться. Это когда ты находишь людей, с которыми не страшно бояться вместе.

Глава 10. София

Всё началось с сообщения в редакционном чате.

«Привет! Я София из 11 Б. Была на конкурсе, слушала ваше выступление. Это было круто. Можно я приду к вам в подкаст? Я умею монтировать. И у меня есть петличка».

Я прочитала сообщение и передала телефон Егору.

— Петличка — это аргумент, — сказал он.— У нас нет петлички.

— Вот именно.

Мы договорились встретиться в пятницу. София пришла в кабинет информатики с рюкзаком, из которого торчали наушники, штатив и та самая петличка. Она была из тех людей, которые заполняют пространство собой — не громко, но заметно. Улыбка, быстрый взгляд, уверенные движения.

— Я слушала все ваши эпизоды, — сказала она, садясь. — Особенно про Таню. Это было сильно. Я даже всплакнула.

— Спасибо, — сказала я.

— А ты, Егор, классно говоришь. У тебя голос такой… спокойный. Как будто ты всегда знаешь, что сказать.Егор кивнул.

— Спасибо.

София просидела с нами час. Она действительно умела монтировать — лучше, чем мы. Показала пару приёмов, которые я сразу записала в блокнот. Но при этом она всё время обращалась к Егору. «Егор, а ты как думаешь?», «Егор, а ты бы что выбрал?», «Егор, а у тебя есть любимый подкаст?».

Я сидела и наблюдала. Не то чтобы меня это задевало. Просто я замечала. А замечать — это не то же самое, что ревновать. Я так себе сказала.

После встречи Егор сказал:

— Она хорошая. Может быть полезной.

— Да, — согласилась я. — Очень полезной.

Он посмотрел на меня.

— Ты что-то хочешь сказать?

— Нет. Всё в порядке.

— Вера. Правило номер один.

Я вздохнула.

— Ладно. Мне показалось, что она больше внимания уделяла тебе, чем проекту. И мне это было… не очень приятно.

Егор помолчал.

— Я заметил, — сказал он. — Но я не давал повода. И не собираюсь.

— Я знаю. Я не говорю, что ты давал. Я говорю, что мне было неприятно. Это мои чувства. Я их не прячу.

— Спасибо, что сказала. — Он помолчал. — Хочешь, я с ней поговорю?

— Нет. Это не твоя проблема. Это моя. Я справлюсь.

— Это не только твоя проблема. Если что-то касается нас обоих, это наша проблема. Мы же команда.

Я посмотрела на него.

— Ты прав. Тогда давай так: мы берём Софию в команду, если она хочет. Но правила остаются. Если что-то не так — говорим сразу. Все трое.

— Согласен.

София пришла в понедельник. Мы рассказали ей про наши правила. Она выслушала и сказала:

— Это очень взрослый подход. Я такое только в книгах видела.

— У нас не книга, — сказала я. — У нас подкаст.

— И жизнь, — добавил Егор.

София кивнула.

— Ладно. Я в деле. И, Вера, — она посмотрела на меня прямо, — если я в прошлый раз была слишком… сфокусирована на Егоре, извини. Это не специально. Просто он говорит спокойно, а я в стрессе всегда цепляюсь за спокойных людей.

— Всё в порядке, — сказала я. — Спасибо, что сказала.

Она улыбнулась. И в этот момент я поняла, что, кажется, мы можем сработаться.

В среду мы записали новый эпизод. Уже втроём. Про то, как разные люди переживают стресс: кто-то говорит громче, кто-то замолкает, кто-то цепляется за спокойных. София предложила эту тему. Сказала: «Я заметила, что люди вокруг меня делятся на тех, кто в панике кричит, и тех, кто в панике замирает. И нам всем нужно место, где можно не паниковать».

Эпизод получился хороший. София отлично монтировала. Егор был спокоен. Я была собой.А вечером он написал мне: «Ты сегодня была классная. Не как ведущая. Как ты».

Я ответила: «Спасибо. Ты тоже. Не как ведущий. Как ты».

Он прислал сердечко. Просто сердечко. Без слов.

Я посмотрела на экран и подумала: вот оно. То самое. Когда всё понятно без длинных объяснений.

Глава 11. Сердечко

Я не ответила на сердечко сразу.

Не потому, что не хотела. Просто не знала, что сказать. «Спасибо» звучало слишком официально. «Ты тоже» — я уже написала. Ещё одно сердечко — слишком мало. Слова — слишком много.

Я положила телефон на стол и посмотрела на него, как будто он мог подсказать.

Он не подсказал.

Утром в школе я вела себя странно. То есть обычно. Но внутри всё было странно. Я смотрела на Егора и думала: он отправил сердечко. Просто сердечко. Без слов. Что это значит? Может, ничего. Может, всё. Может, он отправил его случайно.

На литературе Ольга Петровна вернула нам проекты. Наша работа про «Медвежий угол» получила пятёрку. Она написала на полях: «Вы услышали книгу. Это редкость».

Егор посмотрел на меня и улыбнулся. Я улыбнулась в ответ. И почувствовала, что краснею.

После урока он подошёл.

— Ты сегодня какая-то другая.

— Другая?

— Задумчивая. Как будто решаешь сложную задачу.

— Может, и решаю.

— Поделишься?

Я посмотрела на него. В коридоре было шумно, мимо шли люди, кто-то смеялся. И в этот момент я поняла: если я не скажу сейчас, я буду придумывать поводы и откладывать, пока не станет слишком поздно.

— Егор. Ты вчера отправил сердечко.

— Отправил.

— Что оно значит?

Он помолчал. Не так, как люди молчат, когда не знают, что сказать. А так, как молчат, когда выбирают слова.

— Оно значит, что ты мне нравишься. Не как ведущая. Не как друг. Как ты. — Он сделал паузу. — Я не хотел писать слова, потому что слова можно неправильно понять. А сердечко — это просто сердечко. Но, наверное, я поспешил. Если ты не готова это обсуждать — мы можем подождать.

— Я готова, — сказала я. — Просто я не знала, что ответить.

— А сейчас знаешь?

Я посмотрела на него. На его спокойное лицо. На то, как он стоял — не наступая, не давя, просто ждал.

— Ты мне тоже нравишься, — сказала я. — Как ты. Не как ведущий. Не как друг. Как ты.

Он улыбнулся. Не коротко. По-настоящему.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда, может, мы сходим куда-нибудь? Не в кофейню. Не в библиотеку. Куда-нибудь, где мы не будем обсуждать подкаст.

— Например?

— Например, в кино. Или на каток. Или просто погуляем. Я не знаю, что ты любишь.

— Я люблю гулять, — сказала я. — И я не умею кататься на коньках.

— Я тоже не умею. Значит, кино или прогулка.

— Прогулка.

— Договорились. В субботу?

— В субботу.

Он кивнул и пошёл на следующий урок. А я осталась стоять в коридоре и чувствовать, что улыбаюсь так широко, что, наверное, выгляжу странно.

Вечером я написала ему: «Спасибо за сегодня. Я рада, что мы поговорили».

Он ответил: «Я тоже. И, кстати, я не случайно отправил сердечко. Я думал об этом целый день. Просто хотел, чтобы ты знала».

Я посмотрела на экран и подумала: вот это и есть грин-флаг. Когда человек не заставляет тебя гадать. Когда он говорит прямо.

В субботу мы пошли гулять в парк. Было холодно, но солнечно. Мы шли по дорожке, и я рассказывала ему про свою маму — как она однажды сказала мне: «Вера, ты не обязана быть удобной. Ты обязана быть собой». А он рассказывал про своего отца — как они до сих пор не всегда понимают друг друга, но он научился говорить «мне это важно» без страха, что его не услышат.

Мы дошли до пруда и сели на скамейку.

— Знаешь, что я подумал? — сказал Егор.

— Что?

— Что если бы мы не столкнулись в тот день в коридоре, я бы, наверное, так и не узнал, что можно делать подкаст и при этом не чувствовать себя странным.

— А я бы, наверное, так и не узнала, что можно говорить «я боюсь» без того, чтобы кто-то сказал «не бойся». А можно просто сказать «я рядом».

Он посмотрел на меня.

— Я рядом.

— Я знаю, — сказала я. — Я тоже.

Мы сидели на скамейке, и я чувствовала, как холодный ветер касается щёк, и как тепло от его плеча, когда он чуть-чуть придвинулся, и как всё внутри меня говорит: вот. Это оно. Спокойное. Настоящее. Без игр.

И я улыбнулась.

Глава 12. Тема, которую мы не выбирали

В понедельник София пришла на встречу с горящими глазами.

— У меня идея, — сказала она, бросив рюкзак на стул. — Для следующего эпизода. Мы же делаем подкаст о том, как выживать в школе. А что если мы поговорим про отношения? Не про любовь там всякую, а про то, как вообще понять, что тебе кто-то нравится. И как не сойти с ума, когда ты не знаешь, нравишься ли ты ему.

Я почувствовала, как напряглась спина. Егор, сидевший рядом, чуть заметно улыбнулся.

— Интересная тема, — сказал он ровно.

— Правда? — София просияла. — Я думаю, это очень актуально. У всех же есть какие-то истории. И никто не говорит об этом вслух. А мы могли бы. Только не токсично, а по-нормальному. Как вы это делаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.